

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 572+378

Социально-культурная антропология народов Азии и Африки в востоковедческом дискурсе**В. В. Бочаров¹, В. Г. Гегамян², Н. Н. Дьяков¹*¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9² Ереванский государственный университет,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

Для цитирования: *Бочаров В. В., Гегамян В. Г., Дьяков Н. Н.* Социально-культурная антропология народов Азии и Африки в востоковедческом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 3. С. 312–330.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.301>

Научный руководитель (В. В. Бочаров) и консультант (Н. Н. Дьяков) новой магистерской программы «Социально-культурная антропология народов Азии и Африки», которая открывается на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета в 2021 г., делятся мотивами, подвигшими к ее созданию. По их мнению, цель программы — вернуть изучение «современности» в лоно востоковедения как науки о культурах Востока. Научная деятельность в данном направлении должна способствовать созданию теории развития Востока, так как накопленный материал по общественно-политическим практикам современных государств региона свидетельствует о наличии очевидных универсалий. Вместе с тем они значительно разнятся с тождественными по форме западными процессами. В противном случае страны, даже превзошедшие Запад по многим показателям, в частности экономическим (Китай, Южная Корея, Япония и др.), обречены пребывать в статусе «недоразвитых». Причина — господство эволюционистской парадигмы («дикость — варварство — цивилизация»), где «цивилизация» — эталон прогрессивности социума, что фактически превратило ее в своего рода идеологему. Разработка подобной теории имеет и важное общественно-политическое значение, так как дискурс «недоразвитости» (*sous-développement*) во многом порождает характерный для Востока революционизм под лозунгами ее преодоления, что всегда является угрозой коллапса государственности, хаоса, в конечном счете гуманитарной катастрофы. Антропологический подход положен в основу

* О новой магистерской программе «Социально-культурная антропология народов Азии и Африки» на Восточном факультете СПбГУ и перспективах использования антропологического подхода при реализации российско-армянского международного проекта. Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20-59-05006) в рамках совместной научной программы.

международного российско-армянского научного проекта «Харизматическое лидерство на Востоке (антропологический аспект)», (СПбГУ — Академия государственного управления Армении — Ереванский госуниверситет), поддержанного РФФИ и Комитетом по науке Министерства образования, науки, культуры и спорта Республики Армения. Член проекта с армянской стороны (В.Г. Гегамян), специализирующийся на изучении политической культуры Турции, делится своими соображениями о программе, а также о ее роли и заложенной в ней методологии для успешной реализации.

Ключевые слова: антропология, методология науки, востоковедение, модернизация, эволюционизм, традиционализм.

Введение

В 2021 г. на Восточном факультете СПбГУ открывается новая магистерская программа «Социально-культурная антропология народов Азии и Африки». Она должна придать новый импульс развитию востоковедения как научной дисциплины, ориентированной на изучение не только традиционных культур Востока (чем занималось классическое востоковедение в рамках петербургской/ленинградской школы), но и современных (традиционалистских) культур¹.

В начале 2000-х годов на Востфаке СПбГУ впервые открылись магистерские программы по изучению современного Востока. Это мотивировалось тем, что немало стран региона, достигнув существенного прогресса в социально-экономической сфере, стали играть важную роль на международной арене (в геополитике). Конечно, важную роль сыграли заявивший о себе международный экстремизм, сегодня преимущественно выступающий под знаменем ислама, а также возросшая «мода на Восток», интерес к духовным, ритуальным и психическим практикам: буддизму, шаманизму, индуизму (йоге). Немаловажным фактором выступили постоянная миграция из стран Востока как в Европу, так и в Россию и усиливающееся непонимание (в некоторых случаях — быстрая «геттоизация») этих общин в новых условиях. Заинтересованность в специалистах по Востоку стал проявлять отечественный бизнес, наладивший деловые отношения с государствами региона. Немалое значение имел и обострившийся интерес молодежи к гуманитарным наукам, благодаря появившимся возможностям осмысления гуманитарных и обществоведческих сюжетов посредством разных методологий. Наконец, россияне получили возможность посещать страны Востока, а ученые — проводить полевые исследования на местах. Одним словом, Восток стал привлекательным для широких слоев населения российского социума.

Российская система образования не могла не отреагировать на это. В результате новые востоковедные центры появились во многих вузах страны, традиционные же институции (Москва, Санкт-Петербург, Казань), в частности Восточный факультет СПбГУ, существенно расширили диапазон предлагаемых образовательных услуг. В частности, упомянутые магистерские программы были сориентированы на изучение экономики, политики, международных отношений и культурологии

¹ Первопроходцы Востока в XVIII–XIX вв. вывезли оттуда большой корпус памятников письменности. Богатейшие фонды восточных рукописей находятся в Лейдене, Лондоне, Париже, Берлине, Петербурге и др. Это памятники истории, права, философии, религии, художественной литературы, сочинения по географии и др. Изучение этих материалов и привело к возникновению классического востоковедения.

стран Азии и Африки. Программы были преимущественно заимствованы у институций, специализирующихся на изучении данных процессов. В их основе лежит научный инструментарий, методологии и методы, сформировавшиеся при изучении западных культур, инвариантов реализации бытия *индустриального общества*.

Однако такой инструментарий не является адекватным для изучения современных культур Востока, которые остаются традиционалистскими, воспроизводя пласты отношений, характерные для *традиционного общества*. А потому получаемые выводы, по сути, носят формальный характер, не отражая реального положения дел. Проиллюстрируем этот тезис на примере экономики.

Материалы и методы

В 1970-х годах английский экономист Кейт Харт, посетив Гану, чтобы ознакомиться с жизнью населения, которое, судя по макроэкономическим показателям, должно было бы вымирать, обнаружил вполне приемлемый уровень жизни по меркам Востока, а некоторые социальные группы не только не боролись за выживание, но и процветали [1, с. 61–89]. Оказалось, что многие фирмы не регистрировались, налоги не выплачивались, товары вывозились контрабандой, что сказалось на макроэкономических показателях. Иными словами, он обнаружил существование неформальной экономики (НЭ), связываемой сегодня с микроэкономическим подходом, который рассматривается учеными не в качестве периферийного элемента, а скорее базового компонента экономики многих стран Востока [2, с. 185–205].

Этот вывод справедлив практически для любого вида общественных отношений в восточных государствах, в которых неформальная сфера широко представлена в жизни общества, где политические партии зачастую совпадают с традиционными социально-родственными (род, клан, племя, каста) или территориальными объединениями, а соперничество же между ними обусловлено не только различиями идейно-политических доктрин, но и враждой, уходящей глубоко в историю. Юридическая сфера фактически регулируется не политико-правовыми документами, а обычным правом (неписаными законами) как на уровне простых обывателей, так и на уровне политических элит [3]. К примеру, турецкая полиция регулярно возвращает подвергшихся домашнему насилию женщин своим мужьям, хотя, согласно законодательству, обязана защищать женщин даже от собственных семей. Словом, в реальности их деятельность мотивирована обычно-правовыми нормами своих общин, которые противоречат формальному законодательству [4, р. 16].

Таким образом, изучение современного Востока невозможно без знания специфических черт традиционных культур (экономических, политических, правовых и пр.), которые в условиях глобализации, восприняв западные новации, во многом сохраняют свою идентичность. *Культура* в принципе консервативнее *общества*, скорость ее изменения в историческом процессе гораздо ниже, что обуславливает удержание ею традиции [5, с. 472–495]². Именно изучением восточных культур занимается наша наука.

² Это видно и на материале стран Запада, в культурах которого до сих пор широко представлены, к примеру, праздники, карнавалы или ритуалы, уходящие корнями в глубокую архаику. Тем более это характерно для модернизирующегося Востока, куда западные институты (культуры) были привнесены искусственно, извне.

Следуя логике заимствованных программ, магистранты-востоковеды практически не используют знания изучаемых культур в своих квалификационных сочинениях, стараясь опираться на инструменты дисциплин, профильных для той или иной программы (не будем приводить многочисленные факты). В бакалавриате Востфака не произошло изменений, которые бы хотя бы минимально готовили студентов к этим программам. В учебном плане отсутствует даже вводный курс по социологии, что позволило бы овладеть элементарными представлениями о структуре современного/индустриального общества, его отличиях от общества традиционного. Хотя, классики социологии Огюст Конт, Герберт Спенсер, Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Гюстав Лебон, Макс Вебер не обошли стороной этот вопрос.

Поэтому уровень работ наших магистрантов ниже, нежели уровень студентов, изучающих страны Востока на профильных факультетах. Последние способны представить пестрый анализ ландшафта изучаемой страны посредством более широкого диапазона дисциплинарных парадигм, усвоенных в ходе обучения на соответствующих факультетах. Неслучайно, к примеру, представители экономического факультета в 2020 г. выступили с инициативой по введению в аттестационные комиссии Востфака преподавателей-экономистов, с намеком на то, что оценивать работы по экономике должны профессионалы. По-своему они правы, так как невозможно курировать работу по экономике, не имея специальных познаний в этой сфере, тем более учитывая современную скорость парадигмальных изменений в рамках любой науки.

Выдвигаемый востоковедами аргумент о необходимости владения языком исследуемой культуры в данном случае повисает в воздухе. Сфера деятельности, изучаемая представителями профильных институций (в данном случае макроэкономики) по письменным источникам (отчетам и другим документам), как правило, присутствует и на английском языке. А уважающий себя специалист непременно выучит язык страны, которой занимается. Язык, конечно, важнейшая часть культуры, однако далеко ей не равнозначная.

Продолжая рассматривать проблему на примере экономики, отметим, что для востоковедов предметом исследования должна быть *экономическая культура*, которая, будучи, как и любая культура, консервативной субстанцией, о чем шла речь выше, удерживает многие традиционные практики. Это и восточный базар, который, судя по исследованиям антропологов, до сих пор является не только экономическим институтом, но и местом взаимодействия представителей социально-родственных групп (кланов, племен), где заключаются разного рода контракты: брачные, взаимной поддержки, решаются вопросы, имеющие политическое значение и пр. Сюда же следует отнести и сферу сельского хозяйства, где во многом сохраняются традиционные производственные формы и практики. Традиция широко представлена и в современных секторах экономики (советы старейшин на фирмах, руководитель предприятия, выполняющий функции «отца» в азиатско-конфуцианских культурах, практикующих пожизненный наем рабочей силы, и др.). Практически повсеместно в городах процветает уличная торговля, как правило, слабо регулируемая правовыми предписаниями.

Экономическая культура во многом организует не только производство, но и сферу потребления, где зримо представлены этнокультурные, религиозные регуляторы. Наконец, требует исследования неформальная экономика, которая на

Востоке составляет порой до 80–90 % и обнаруживается в самых различных сферах жизнедеятельности, включая мафиозные структуры, существующие на Востоке зачастую вполне легально (Якудза в Японии). В общем, перед востоковедами-экономистами, как, впрочем, и перед магистрантами других современных направлений, лежит обширное исследовательское поле, которое не очень-то привлекает специалистов профильных институтов. Изучение повседневной жизни с ее неписаными законами имеет, безусловно, не только теоретическое, но и практическое значение. Ведь знание мотиваций людей, обусловленных картиной мира, которая организует их поведение в разных областях жизнедеятельности, представляет интерес для многих государственных структур, принимающих решения в сфере международных отношений, предпринимательской деятельности и др.

Задача представленной программы — вернуть изучение современного Востока в лоно востоковедения как науки о восточных культурах. Отметим, что различия между социально-культурной антропологией и востоковедением в принципе едва уловимы. Обе дисциплины изучают «другого», т.е. носителей чужой культуры. Истоки единой прадисциплины обнаруживаются уже в древности, в трудах античных мыслителей, интересовавшихся жизненным укладом, «национальным характером», обычаями, прежде всего своих врагов: *варваров, азиатов*. Прикладной характер работ, призванный извлечь выгоды из разного рода коммуникаций с «другим», отчетливо просматривается на всем пути существования востоковедения как науки.

Пожалуй, можно говорить о некотором расхождении дисциплин лишь на пороге XX в., когда востоковедение сосредоточилось на изучении филологии и истории, преимущественно описательной, исследуя письменные источники, а социально-культурная антропология — на повседневности носителей в основном бесписьменных традиционных культур. В результате для антропологии стала приоритетной «работа в поле», погружение ученого в культуры «других», используя метод включенного наблюдения³. Это мотивировалось отсутствием в бесписьменных культурах надежных источников для реконструкции прошлого. В результате вектор исследований сдвинулся от выявления причин возникновения институтов традиционного общества, их исторической динамики к обнаружению механизмов функционирования, взаимозависимости. Словом, интерес к общественной диахронии сместился в сторону синхронии [6, с. 121–133; 7, с. 64–88].

С распадом колониальной системы, созданием в регионах Востока независимых политических образований к их изучению подключились «современные» науки, сформировавшиеся в процессе изучения индустриального общества: экономика, социология, политология и др. Антропология же продолжала обслуживать традиционный сектор, который до сих пор во многом определяет жизненный уклад населения восточных стран. В основном изучались произошедшие в нем изменения под воздействием глобализации.

В сложившемся разделении труда ведущую роль играли «современные» науки, степень идеологизации которых в условиях холодной войны была достаточно высока. Именно тогда эволюционизм (неоэволюционизм) обрел четко выраженные

³ Основной и долгое время единственной отраслью классического востоковедения была восточная филология. Под ней разумелись описание и издание памятников, критика текста, исследование происхождения рукописей, их перевод и подробное комментирование.

идеологические черты⁴. В частности, несмотря на множество теорий социокультурного развития, появившихся в науке начиная с XIX–XX вв. (Николай Данилевский, Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Иммануил Валерстайн и др.), «цивилизация» до сих пор воспринимается высшей ступенью развития общества, а клятвы преданности идее построения цивилизованного общества, представлены в дискурсе политических элит практически повсеместно. Неоэволюционистская версия — теория модернизации — рассматривала прогрессивное развитие Востока в рамках борьбы «традиции» с «модерном» (дикости/варварства с цивилизацией), в которой победа последнего считалась неизбежной. Наконец, с крахом режимов, отклонившихся по тем или иным причинам с точки зрения апологетов теории модернизации от генеральной линии развития человечества, был объявлен «конец истории». Действительно, пришедшие к власти силы на словах заявляли о своей приверженности либерально-демократическим ценностям: рыночной экономике, принципу разделения властей, правам человека.

Как широко признано сегодня, «конец истории» пока откладывается, при этом традиционализм в общественном бытии и сознании государств и народов Востока не только не исчез, но, наоборот, усилил свои позиции. Поэтому в научных кругах заговорили о «неотрадиционализме», «архаическом синдроме» и пр. Он отчетливо проявляется в разных сферах жизни восточных государств: экономике, социальной сфере, политике, юридической области.

В результате стало очевидным, что Восток, несмотря на заимствованные (добровольно или принудительно) западные культуры (ценности, институты), движется в историческом процессе по собственной траектории. Закономерности, проявляющиеся в общественной жизни государств региона, постоянный диссонанс между декларируемыми элитами ценностями и целями и реальной общественно-политической практикой, приводящий к перманентному революционизму на протяжении всего периода их независимого бытия, делает актуальным создание *общей теории эволюции Востока*.

До разворота в сторону современности в 2000-х годах на Востфаке СПбГУ изучались преимущественно традиционные культуры в рамках классического востоковедения, с упором на письменные источники (духовная и материальная культура, филология и описательная история). Современность разрабатывалась в основном московскими востоковедами. Преобладали теоретические работы, строившиеся на эмпирике, представленной в трудах западных коллег. Основными отечественными поставщиками актуальной информации по современности были сотрудники дипломатических и торгово-экономических миссий, журналисты-международники, разведчики, нередко делившиеся своими впечатлениями о местах пребывания в научно-популярных изданиях, содержащих порой весьма ценные для науки материалы. Они же впоследствии пополняли штат востоковедных институций в столице.

В условиях холодной войны эволюционизм, как и марксизм, из научной теории превратился в идеологию. В частности, была разработана концепция «социалистической ориентации», которая активно пропагандировалась, дабы убедить элиты государств, обретших независимость, встать на путь построения социализма, ко-

⁴ Налицо аналогия с марксизмом, который из научно-философской теории превратился в СССР, Китае и других «странах социалистического лагеря» в идеологию, выраженную в лозунгах, ритуалах, праздниках и пр.

торый якобы гарантировал быстрое преодоление экономической отсталости. В работах превозносились успехи государств, вставших на этот путь. У западных коллег аналогичным образом оценивалась ситуация в государствах, избравших путь «свободы и демократии». Хотя даже поверхностный непредвзятый взгляд убеждал в том, что в реалиях тех и других было больше общего, нежели отличного.

Особый интерес вызывает пример Турции, которая со времен реформ Мустафы Кемала Ататюрка рассматривалась Западом в качестве эталона «правильного» развития восточного государства. Турецкая модель как «единственный успешный пример демократии и модернизации Востока» стала особенно пропагандироваться политологами после начала «арабской весны», к которой должны были стремиться другие государства Ближнего Востока (Египет, Сирия, Тунис и т. д.). Однако сегодня, когда Турция после почти векового мытарства по пути европеизации стремительно обретает привычный для восточного государства облик, они же заговорили о «смерти Турции». Это еще раз убеждает, с одной стороны, в правомерности разработки особой концепции эволюции Востока, с другой — в неадекватности неоеволюционистской методологии для изучения современных политико-культурных восточных реалий.

Петербургские востоковеды до последнего избегали изучения «животрепещущих проблем современности», хотя в столичных институтах эта тема появилась в середине XX в. Похоже, это делалось сознательно, во всяком случае по студенческим воспоминаниям 1970-х годов на Востфаке СПбГУ поддерживались преимущественно квалификационные студенческие работы по языку, этнографии, истории, материальной культуре и не особенно приветствовались исследования по современности. Действительно, «социалистическая ориентация», в рамках которой должна была анализироваться любая тема по современности, противоречила марксистской теории, считавшей построение социализма невозможным без опоры на рабочий класс. Его же в большинстве молодых государств Востока не было в помине. В те сложные для общественных наук годы руководство факультета, вероятно, старалось уберечь студентов от научной недобросовестности, социального конформизма, карьеризма. Опять же практически отсутствовала, за редким исключением, возможность выезда в страны Востока для проведения полевых исследований⁵.

В связи с разворотом в сторону современного Востока на Востфаке СПбГУ была осознана необходимость определиться с полем исследований, обозначить новые темы и направления. Возникла и потребность в уточнении содержания востоковедения как научной дисциплины: объект/предмет, методология/теория, методы, понятийный аппарат [2, с. 15–24]⁶. Силами преимущественно петербургских востоковедов (СПбГУ, Института восточных рукописей и Кунсткамеры) были опубликованы две книги, под общей редакцией известных востоковедов В. Б. Касевича и Е. И. Зеленева, призванные отреагировать на новые вызовы, вставшие перед

⁵ Таким исключением стала Советско-Йеменская комплексная экспедиция (1983–1984), работавшая в Хадрамауте, в состав которой входили историки, этнографы, лингвисты и социологи, специализировавшиеся на арабских исследованиях.

⁶ Несмотря на длительную историю востоковедных исследований, возникших в Европе в XVII–XVIII вв., налицо проблемы с идентификацией востоковедения как самостоятельной научной дисциплины в смысле определения предмета, теории, методов исследования [2, с. 15–25].

наукой [2; 8]. Однако логика этой программы диктует необходимость вернуться к данной теме.

В частности, было предложено выделять Восток не по географическому принципу (Азия + Северная Африка), как обычно делается, а по социокультурным свойствам населения⁷. Географический принцип исключил бы из поля зрения востоковедов регионы Европы, население которых всегда являлось объектом их изучения (Татарстан, Башкортостан, Калмыкия) [2, с. 16]⁸. Отметим, что подобный прецедент имел место в истории науки. К. Маркс, к примеру, обозначил географическим термином «азиатский» способ производства, характерный для населения древних и средневековых государственных образований не только Азии, но Африки и доколумбовой Америки. Данный способ был противопоставлен развитию человечества по разработанному им же формационному сценарию, свойственному Западу [11, с. 13–141].

Представления о Востоке как отсталом, неисторичном, экзотическом, противостоящим цивилизованному Западу прослеживаются в трудах европейских мыслителей начиная с Античности и по сей день (подробнее см.: [12, с. 47–94])⁹. Н. Бердяев справедливо заметил, что дихотомия «Восток — Запад» «всегда была основной темой всемирной истории, ее осью» [13, с. 115].

В частности, сегодня она представлена концепцией «мир — система», в которой мир по экономическому критерию делится на развитый «центр» и зависимую от него неразвитую «периферию» [14, р. 3]. В политологии используется понятие «незападный политический процесс», в котором, в отличие от западного, отражены свойства, характерные для традиционного общества [15]. Отечественный востоковед Л. Васильев считает, что мир поляризован «на две его неравные части, западную и незападную, капиталистическую и некапиталистическую». Вторую он соотносит «с традиционным Востоком в широком смысле этого слова» [16, с. 448–788]. Им же разработана концепция «власть — собственность», утверждающая наличие принципиальных различий в стратегиях исторического развития Запада и Востока [17, с. 60–99].

Итак, под *Востоком* в широком смысле (Незапад, Периферия) понимается население Азии, Африки, Латинской Америки, Австралии и Океании, его социокультурные свойства принципиально отличны от Запада. Различия объясняются разными траекториями исторической динамики регионов, что фиксируется еще в древности и Средневековье. При таком раскладе востоковеды СПбГУ сосредото-

⁷ Географический смысл в понимание Востока вкладывается, например, регионоведением — дисциплиной, занимающейся сравнительной международной и социально-политической проблематикой: «Восток — это страны Азии и Северной Африки» [9, с. 32–33].

⁸ Э. Саид писал и о других «ориентализированных» областях Европы, в которых «чувствуется Восток» (Балканы, южные оконечности Италии и Франции: Сицилия, Сардиния, Корсика, а также регионы Испании). К этому можно добавить, что сегодня Восток представлен и на Западе, где сформировались анклавы восточных культур, возникшие в результате миграции их носителей. Поэтому вполне закономерно, что тема «Восток на Западе» также привлекает исследователей, включая востоковедов [10, с. 294–304].

⁹ Это даже имело место, когда Запад проигрывал как в военных предприятиях, так и в уровне социально-экономического и технологического развития (древность и Средневековье). Да и сегодня мы наблюдаем ту же картину.

точивают усилия на изучении только *части Востока*, расположенной в Евразии и Африке¹⁰.

Несмотря на то что после политической эмансипации Востока, а также в условиях продолжающейся глобализации отличия Востока от Запада во внешнем облике государств стали менее заметными, тем не менее в содержательном плане они остаются весьма глубокими. Сегодня это отчетливо проявляется в обострении противоречий между ними по поводу разделяемых ценностей. Именно отставание Востоком традиционных ценностей вызывает негативную реакцию Запада в виде санкционного давления, оказываемого либерально-ориентированными элитами даже вопреки собственным экономическим интересам.

По мнению петербургских востоковедов, именно *традиционализм* определяет специфику Востока: «Фундаментом формирования культурной, социально-психологической и иной специфики, которая выделяет Восток как особый культурно-исторический ареал, мы предлагаем считать традиционализм» [2, с. 16]. В. Б. Касевич видит его отличительные свойства в особой иерархии ценностей, главная из которых — приверженность к ценностям прошлого (реального и мифологического), а также к ценностям коллективизма («аперсонализма... , когда личность не выпячивается») [2, с. 16]. В качестве объекта исследования называются «традиционалистские общества», а источники информации о нем — «языки, на которых говорят члены соответствующих сообществ, и тексты на таких языках [2, с. 21]. «Востоковедение — это наука о духовной и материальной культуре традиционалистских обществ в синхронии и диахронии с опорой на свидетельства языка и текста» [2, с. 21].

Представляется, что высказанные соображения относительно «ценностей традиционализма» справедливы для традиционных культур (традиционного общества). В рамках дихотомии «традиционное — индустриальное общество», появление которой связывается с М. Вебером, традиционализм сводится к иррациональной деятельности, характерной для общественных индивидов в традиционном обществе, противопоставленной деятельности «рациональной» в индустриальном обществе [18, с. 120–129]. В традиционном обществе «традиция», от которой происходит *традиционализм*, не рефлексировалась его членами, они не философствовали на этот счет, просто воспроизводя опыт предшествующих поколений автоматически. В прошлом (доиндустриальной/традиционной стадии эволюции) это относилось и к Западу. Только в эпоху Просвещения начинается осмысление «традиции» в рамках либо критики и осуждения, либо защиты и почитания. В основном же Просвещение было антитрадиционалистским, и его идеи лежат в основе ценностей, разделяемых западными элитами и сегодня.

Таким образом, *традиционная* деятельность (следуя Веберу) характеризовала носителей *традиционных* культур. С ними столкнулись европейцы-первопроходцы (путешественники, миссионеры и др.), а также антропологи первой половины XX в., пока эти культуры еще не подверглись сильному западному влиянию. Сегодня люди в самых отдаленных уголках мира благодаря прогрессу средств комму-

¹⁰ В РФ отсутствуют образовательные институции по автохтонным культурам народов Америки. Известные советские специалисты-этнографы в данной области были самоучками (Ю. П. Аверкиева, Р. В. Кинжалов и др.). Сегодня исследования, ведущиеся в институтах РАН (ИЛА) или ибероамериканских центрах (МГИМО, СПбГУ), ориентированы преимущественно на современную проблематику: экономику, политику, международные отношения и пр.

никации имеют представления о существовании иных моделей жизни, а если они следуют опыту предков (традиции), то выбирают данное поведение как *ценность* (ценностно-рациональное поведение по Веберу). Поэтому сегодня мы имеем дело не с «традиционными культурами», конкретными формами бытования традиционного общества, а с культурами «традиционалистскими», демонстрирующими воспроизводство традиционных поведенческих моделей в связи с сознательным выбором их носителей. Первые реконструируются исторической антропологией по материалам первопроходцев и ранних антропологов, особенно британской школы. Вторые (традиционалистские) — предмет современных исследований, в частности востоковедов.

Сакрализации прошлого как одна из характеристик традиционализма, отличающегося «приверженностью ценностям прошлого, авторитетом истории, включая историю мифологическую» [2, с. 16], верна для традиционных культур. В традиционалистских же культурах в «сердцах и умах» их носителей присутствуют множественные фрагменты, заимствованные из разных культур, включая приверженность ценностям будущего. Скажем, идейные воззрения современной китайской культуры, во всяком случае немалой части ее носителей, устремлены в «коммунистическое будущее». Впрочем, носители других восточных культур, как минимум их политические элиты, получившие западное образование, также настроены на построение «цивилизованного общества».

Что касается аперсонализма, «приверженности к коллективистским ценностям» [2, с. 20], то и здесь, в традиционалистских культурах произошли изменения относительно культур традиционных. Неотвратимо нарастает процесс социальной индивидуализации, и хотя, скажем, ценность государства в целом остается первичной, налицо присутствие фрагментов гражданского общества, отстаивающего индивидуальные ценности. Во всяком случае лозунги, связанные с нарушением прав человека, как правило, сопровождают революционизм в странах Востока.

Между тем, если границы личной свободы выбора под влиянием глобализации могут расширяться, все равно индивидуализм развивается в рамках коллективной логики. Принадлежность к определенной группе (семья, община, нация) продолжает оставаться важнейшим фактором для выживания в социальной среде, а также главным маркером социальной идентичности [4, р. 3]. В общем отношении к аперсонализму как некоей данности восточных культур представляется как минимум дискуссионным относительно современных культур (традиционалистских). Изучение гражданского общества на Востоке, специфика проявлений социального индивидуализма в традиционалистских культурах — часть повестки настоящей программы.

Представляется также, что, выделяя в качестве предмета исследования современный Восток, следует вести речь о **неотрадиционализме** как уникальном социокультурном феномене, сформировавшемся в результате взаимодействия традиции и модерна. Здесь западные по форме общественные процессы являются традиционными по содержанию, и, наоборот, декларации по возврату к «традиции» в реальности нацелены на модернизацию общественного бытия. Именно неотрадиционализм определяет культурную, социально-психологическую и иную специфику современного Востока.

Выделим основные социокультурные свойства, определяющие эту специфику:

- в экономике — большой удельный вес неформальной экономики (НЭ), коррупция, «приятельский капитализм»;
- в политике — «имитационные демократии» — режимы, не совпадающие с эталонной моделью западной демократии (преимущественно речь идет об «электоральных автократиях») [12, с. 74–97];
- в юриспруденции — господство неписаных законов, обычного права, «теневого права», противоречащих официальному законодательству [19, с. 34–46];
- революционизм: социалистический, национально-освободительный, «цветной» [20, с. 213–221].

Эти свойства трактуются, как правило, в терминах «недоразвитости», «неполноценности», «архаики». Их же присутствие объясняется политическим режимом, отождествляемым с верховным правителем. Поэтому лозунги «цветных» революций всегда нацелены на искоренение «недоразвитости»: коррупции (непотизма, трайбализма), авторитаризма, нарушений прав человека.

В то же время сравнительный анализ традиционалистских культур Востока с очевидностью демонстрирует закономерный характер воспроизводящейся специфики. Более того, исследования в области экономической антропологии, к примеру, показывают, что НЭ является благом для субъектов деятельности, в конечном счете для граждан государства. Например, работа Эрнандо де Сото, выполненная с привлечением антропологических методов, доказывает, что следование официальным законам в экономике, которые, как правило, заимствованы из кодексов «цивилизованных» государств, невыгодно с экономической точки зрения. Правда, автор видит причину в «плохих законах», принимаемых недемократическим способом в интересах определенных групп, хотя упускает из виду, что при режимах, которые принято считать «демократическими», НЭ со всеми ее проявлениями, представлена никак не меньше [21].

К аналогичному выводу приходят и другие исследователи. В. Сумский, описывая положение дел в экономике Филиппин времен Фердинанда Маркоса и обнаружив в ней те же «недостатки», приходит к выводу, что они выгодны большинству населения, прежде всего малообеспеченным слоям [22, с. 97]. По сути, к такому же заключению пришли английские антропологи в Пакистане, обнаружив, что незаконные постройки в предместьях Карачи, «крышуемые» чиновниками высокого ранга, в конечном счете дают возможность приобретать жилье малообеспеченным слоям населения [23, с. 437–461]. Рядовые граждане, судя по полевым исследованиям, также оценивают существующий порядок вещей с его неформальными/теневыми проявлениями в разных областях жизни в качестве нормы [23, с. 455]. Так, турецкие женщины, проживающие в бедных окраинах Стамбула в 1980-х годах, после присоединения турецкой экономики к всемирному рынку, начали работать на дому, превращая свои жилища в маленькие фабрики, где иногда работали более 70 часов в неделю. И несмотря на то что этот труд по рыночным меркам оплачивался очень низко и с точки зрения «цивилизации» они подвергались эксплуатации, с точки зрения самих женщин их занятость была не «работой», а помощью семье и общине для обретения не только экономической выгоды, но и «социального капитала» (получения в общине статуса *iyi kadın* — «хорошей женщины»). Это, в свою очередь, является залогом долгосрочных отношений внутри общины, основанных на принципе *imese* («взаимности») обеспечивающих ее устойчивость и благополучие всех членов группы [24,

р. 20–22]. Примечательно, что именно упомянутый принцип общинной взаимности, согласно антропологическим исследованиям последних лет, главный залог успешности исламских партий (в том числе правящей Партии справедливости и развития) в деле мобилизации мусульман Турции, а не вовсе сама религиозная идеология (как зачастую представляется в научных и экспертных кругах).

Практики НЭ всегда восстанавливаются в полном объеме и после «цветных» революций, направленных на их искоренение. По факту происходит лишь перераспределение ресурсов (материальных, политических, престижных) внутри немногочисленной группы активистов. Рядовые граждане вследствие хаоса, деградации государственности, сопровождающего подобный революционизм, всегда остаются в проигрыше.

Феномен восточного революционизма представляет особый интерес. Налицо закономерность в периодичности революций (или возникающих революционных ситуаций) при неизменности выдвигаемых упомянутых выше лозунгов. Чуть ли не каждое государство Востока пережило несколько подобных ситуаций. Представляется, что это тоже *проявление неотрадиционализма*, а его истоки лежат в противоречиях, заложенных в традиционном обществе, обострившихся и реализующихся под воздействием западных политических культур [25, с. 448–465].

Выводы

Таким образом, социокультурная реальность Востока, несмотря на многоцветье культур, демонстрирует универсальные, специфические свойства, обретенные в результате прогрессивного развития. Для объяснения этого феномена необходима особая теория развития Востока. Отсутствие такой теории понижает статус востоковедения как научной дисциплины, что также отмечено в упомянутом труде петербургских ученых [2, с. 5–25]. Представляется, что при разработке подобной теории следует исходить из особого пути исторической динамики Востока. Различия, как отмечалось, фиксируются еще в древности и Средневековье, т. е. в рамках традиционного общества. Тогда Восток нередко опережал Запад в общественном прогрессе (государства арабского мира, Китай и др.). Однако благодаря опережающей модернизации в XVII–XVIII вв., краху традиционного общества, приведшего к глубокой социально-экономической трансформации, развитию науки и технологий, Запад становится основным источником модернизации Востока. Иными словами, если Запад модернизировался по внутренним причинам, модернизацию Востока определил внешний фактор.

Возникшее на Западе индустриальное общество породило адекватные себе культуры (экономические, политические, юридические и пр.), Восток же заимствовал эти культуры (насильственно или добровольно), которые, как предполагалось, преобразуют соответствующим образом и общественные отношения. Первую модель эволюции можно назвать *центральной*, или *социетальной*, вторую — *периферийной*, или *культуральной* [26, с. 3–14].

Разработка теории *культурального* (периферийного) развития предполагает сбор и обобщение эмпирического материала, связанного с изучением механизмов инклюзии западных новаций в местные традиционные культуры, а также фиксации изменений, происходящих в результате в общественных отношениях реци-

пиентов. Существующие исследования в данной области дают основания предположить, что традиционные культуры переформатировали привнесенные новации в соответствии с собственными приоритетами. В результате общественный контекст если и претерпевал модификации, то весьма далекие от тех, которые ожидалась новаторами (колонизаторами, впоследствии собственными элитами).

Из взаимодействия традиционных и западных культур формируются традиционалистские культуры, составляющие мозаику из фрагментов обеих мировоззренческих систем, размещенных «в умах и сердцах» своих носителей в разных конфигурациях в зависимости от уровня образования, места проживания, социального статуса и пр. Их поведение детерминируется внешней средой, ситуативно сложившейся обстановкой. Оно может быть обусловлено традиционными мотивами, но осмысляться в понятиях и категориях западных культур, и наоборот.

Такую ситуацию отчетливо продемонстрировала антрополог Джени Уайт, которая на основе длительного изучения современного турецкого материала показала, что в обществе, в котором существуют сильные групповые идентичности и нормы, стремление к индивидуальным свободам почти неизбежно сталкивается с коллективными нормами. Однако это не означает, пишет Уайт, что люди всегда отказываются от индивидуального и личных целей. Вернее сказать, что повседневная жизнь функционирует одновременно на нескольких уровнях [24, р. 15]. Другими словами, индивидуальная стратегия представителя Востока должна постоянно соответствовать локальной культурной логике.

Социально-культурная антропология обладает методами исследования, ориентированными на выявление в сознании носителей реальных детерминант поведения. Это прежде всего включенное наблюдение. Сегодня оно используется социологией наряду с другими качественными методами: глубинное, свободное, неформализованное интервью, традиционный анализ документов, фокус-группа, кейс-стади и др. Их применение определяется принятой методологией, исходящей из гипотезы о плюрализме сознания носителя традиционалистской культуры.

Использование данных методов предусмотрено программой и в рамках исторического изучения восточных культур, чем занимается историческая антропология. Ее цель — реконструкция «картины мира» (менталитета) исторических акторов, что предполагает определенный отбор источников, связанных с повседневным бытием людей. Главное, избежать осовременивания истории путем вкладывания в головы исторических персонажей нехарактерных им мотивов поведения. Используемое понятие «культура» в значении формы бытия различных социальных практик (экономических, политических и пр.) неразрывно связано с психологией. Культура «живет в умах и сердцах» своих носителей [27, с.167–173] в виде смыслов, представлений, символических образов, «отделившихся от своих материальных носителей и переместившихся в человеческое сознание, уязвимых им в некую целостность» [28, с. 147]¹¹. Одним словом, антропологический подход открывает множество других возможных «оптик» для изучения современного Востока. История репрезентаций, история практик, история памяти, история материальной культуры, история чтения, история телесности и др. [29].

¹¹ Клиффорд Гирц сравнил культуру с осьминогом, «довольно плохо интегрированным существом: то, что называют мозгом, более или менее удерживает ее в единой неуклюжей целокупности» [28, с. 147].

Будучи консервативной субстанцией и удерживая таким образом «архаику» в процессе исторической динамики, культура неотделима от исторической психологии. Это означает, что человеческое поведение определяется не только собственным выбором, но и бессознательным, сохранившимся в глубинах сознания из прошлого жизненного опыта, «сохранение которого в душевной жизни есть скорее правило, нежели исключение» [30, с. 19].

Для понимания поведения исторических акторов невозможно обойтись без привлечения наработок в области исторической психологии. А. Я. Гуревич, отмечая роль психологии в исторических исследованиях, писал: «Из некоего аксессуара истории, красочного дополнения к более серьезным и капитальным ее темам социально-историческая психология вырастает в необходимый аспект исследования, в такую его предпосылку, без полного и постоянного учета которой в истории вообще ничего нельзя понять верно и достаточно глубоко» [31, с. 64]. Представляется, что это в полной мере относится и к пониманию поведения носителя традиционалистской культуры, в бессознательном которого «прошлое» скрыто не так уж глубоко и мотивирует его поведение, следовательно, не так уж редко [32, с. 109–117].

Немаловажными представляются также перспективы международного научного и экспертного сотрудничества, которые открываются для востоковедов, владеющих необходимым аналитическим и методологическим аппаратами для изучения современного Востока. «Антропологизация» востоковедения позволяет не только участвовать в научно-прикладных дискуссиях о самых критически важных проблемах, которые касаются множества «горячих точек», но и в некотором смысле создавать новые дискурсы для понимания Востока. Именно такую цель, в частности, преследует колаборация российской и армянской групп востоковедов-исследователей, в работе которых участвуют соавторы статьи. Исследовательский проект «Харизматическое лидерство в современных политических культурах Востока (антропологический аспект)» нацелен на выявление универсалий и закономерностей в деле конструирования и функционирования харизматического лидерства на Востоке (на примере нескольких стран и общин). Если на Западе персонализация политики и харизматические лидеры считаются относительно новым явлением (в том числе порожденным цифровыми технологиями), то на Востоке даже в условиях модернизации харизматическое лидерство если не центральный, то как минимум один из основных феноменов традиционалистских политических культур. Политическая и социокультурная динамика последней пары десятилетий в Турции, Армении, Иране, Азербайджане, в государствах Центральной Азии и Ближнего Востока неоднократно продемонстрировала его важность для солидаризации общества и функционирования государства. Постоянное воспроизводство «архаических»/«восточных» особенностей лидерства расценивается как признак отсталости, а порой как проявление личных амбиций того или иного лидера. Подобный подход, который, как мы уже показали, есть результат неэволюционистских взглядов, не позволяет полностью раскрыть проблемы современного Востока и порой приводит к применению медийных «шаблонов». Это, в свою очередь, влияет на принятие решений в прикладных сферах. В таком контексте наглядным представляется пример Турции, где происходящие процессы постоянно приписываются так называемой исламизации государства под руководством президента Реджепа Эрдогана. Так, победа в 2002 г. и продолжающаяся после этого постоянная

поддержка Эрдогана и его партии на выборах — это не только и не столько выбор идеологический («за ислам»), но, как показали антропологи, результат функционирования общинной мобилизации (другими словами, землячества), чем искусно пользуется правящая партия [24]. Другими словами, поиск «исламского фактора» в данном случае не дает возможности полностью понять современное турецкое общество. То же самое можно сказать на примере так называемого культа личности президента Эрдогана. В глазах западного журналиста или эксперта формирование такого культа — это преимущественно личный «каприз» самого президента Эрдогана, однако применение историко-антропологического подхода показывает, что культ главы государства имеет определенную функцию и поэтому конструируется независимо от личности конкретного политического деятеля [33]. Нам представляется, что основанное на полевых работах исследование будет способствовать успешной реализации магистерской программы и, в частности, разработке общей теории о развитии Востока.

В заключение отметим, что к реализации программы привлечены антропологи и востоковеды, имеющие значительные достижения в области политической, экономической, юридической, лингвистической антропологии, антропологии гендера, возраста, миграций, исторической антропологии, исторической психологии. Они представляют широкий круг научных институций: СПбГУ (Восточный и социологический факультеты), МАЭ РАН, Институт социологии РАН, Европейский университет (СПб).

Литература

1. Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // *The Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11, № 1. P. 61–89.
2. Введение в востоковедение. СПб.: Каро, 2011. 584 с.
3. Бочаров В. В. Неписанный закон. Антропология права. СПб.: АИК, 2013. 328 с.
4. White J. Muslim Nationalism and the New Turks. Princeton: Princeton University Press, 2014. 288 p.
5. Гиренко Н. М. Взаимодействие культуры и общества // *Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики*. СПб.: Carrilon, 2004. С. 472–495.
6. Бочаров В. В. Антропологическая наука и общество // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. № 3. С. 121–133.
7. Бочаров В. В. Колониализм: социальные и культурные процессы // *Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии*. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2. С. 64–88.
8. Концепции современного востоковедения. СПб.: Каро, 2013. 464 с.
9. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. 829 с.
10. Аль Джереф, Бочаров В. В. Традиционализм Востока на Западе (арабские иммигранты во Франции) // *Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации* / отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Попов. СПб.: ИВР РАН, 2019. С. 294–304.
11. Нуреев Р. М. Сравнение экономических систем во времени: формационные подходы к анализу // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2010. Т. 8, № 1. С. 130–141.
12. Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Попов. СПб.: ИВР РАН, 2019. 320 с.

13. Бердяев Н. Судьба России (опыт по психологии войны и национальности). М.: Мысль, 1990. 240 с.
14. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy: Essays. New York and London: Cambridge University, 1979, 305 p.
15. Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 430 p.
16. Васильев Л. С. История Востока. М.: Юрайт, 2013. Т. 2. 788 с.
17. Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / отв. ред. А. Б. Алаев. М.: Наука, 1982. С. 60–69.
18. Гофман А. Б. Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве Макса Вебера // Социс. 2008. № 4. С. 120–129.
19. Бочаров В. В. К вопросу об истоках «правового нигилизма» на Востоке (и в России) // ЖССА. 2009. № 3. С. 34–46.
20. Бочаров В. В. «Революция» в общественно-политическом развитии Востока // ЖССА. 2012. Т. 15, № 6. С. 213–221.
21. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
22. Сумский В. В. Фиеста Филиппина. М.: Восточная литература. 2003. Т. 1. 527 с.
23. Харрис-Уайт Б. Государственное регулирование и неформальный экономический порядок в Южной Азии // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 437–464.
24. White J. Islamist Mobilization in Turkey. A Study in Vernacular Politics. Seattle and London: University of Washington Press, 2002. 304 p.
25. Бочаров В. В. Социально-возрастной конфликт и политические катаклизмы в российском обществе // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2. С. 448–465.
26. Бочаров В. В. Африка и Россия как субъекты культурального развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. «Востоковедение. Африканистика». 2012. № 3. С. 3–14.
27. Yoodenough W. H. Cultural anthropology and linguistics // Report of the Seventh Annual Round table Meeting on Linguistics and Language Study / Hg. Paul L. Garvin. Washington: Georgetown University Press 1957. № 9. P. 167–173.
28. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-центр: Ин-т психологии, 1997. 432 с.
29. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // НЛО. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 10.02.2021).
30. Фрейд З. Недовольство культурой. М.: Фолио, 2013. 224 с.
31. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56–70.
32. Бочаров В. В. Власть и табу: о культурно-психологических истоках традиционализма // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 4. С. 109–117.
33. Гегамян В. Г. Социально-культурная динамика в Турции в период президентства И. Иненю (1938–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. URL: <http://etd.asj-oa.am/5916/3/>.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2021 г.,
рекомендована к печати 24 июня 2021 г.

Контактная информация

Бочаров Виктор Владимирович — д-р ист. наук; victana2007@rambler.ru

Гегамян Варужан Гегамович — канд. ист. наук; vgeghamyan@ysu.am

Дьяков Николай Николаевич — д-р ист. наук; nick-d@mail.ru

Socio-Cultural Anthropology of the Peoples of Asia and Africa in Discourse of Oriental Studies*

V. V. Bocharov¹, V. G. Geghamyan², N. N. Dyakov¹

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Erevan State University,
1, ul. Alex Manoogian, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

For citation: Bocharov V. V., Geghamyan V. G., Dyakov N. N. Socio-Cultural Anthropology of the Peoples of Asia and Africa in Discourse of Oriental Studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, vol. 13, issue 3, pp. 312–330. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.301> (In Russian)

In this article, the research supervisor (Bocharov V. V.) and consultant (Dyakov N. N.) of the new master's program "Social and Cultural Anthropology of the Peoples of Asia and Africa", which will be opened at the Faculty of Oriental Studies of St. Petersburg State University in 2021, share the motives that prompted its creation. According to them, the goal of the program is to bring the study of "modernity" back into the fold of Oriental Studies, as a science of Eastern (Oriental) cultures. Moreover, scientific activity in this direction should contribute to the creation of a theory of the development of the East, since the accumulated material on the socio-political practices of modern states in the region indicates, on the one hand, the presence of obvious universals, and, on the other hand, they are significantly different from the Western processes that are identical in form. Otherwise, states (even those that have surpassed the West in many respects), are doomed to remain in the status of "underdeveloped". The reason for this is the dominance of the evolutionary paradigm ("savagery — barbarism — civilization"), where "civilization" is the standard of society's progressiveness, which has actually turned it into a kind of ideologeme. The development of such a new theory also has an important socio-political significance because the discourse of "underdevelopment" (*sous-développement*) in many respects gives rise to revolutionism (a characteristic of the East) under the slogans of overcoming it, which is always a threat to state collapse, chaos, and, in the end, humanitarian catastrophe. The anthropological approach is the basis of the international Russian-Armenian scientific project (SPbSU — PAARA — YSU), supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Committee on Science of the Armenian Ministry of Education, Science, Culture and Sport. The member of the project V. G. Geghamyan who specializes in studying the political culture of Turkey, also shares his thoughts on the "program" and the role that its methodology plays in its successful implementation.

Keywords: anthropology, scientific methodology, Oriental Studies, modernization, evolutionism, traditionalism.

References

1. Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 1973, vol. 11, no. 1, pp. 61–89.
2. *Introduction to Oriental Studies*. St. Petersburg, Karo Publ., 2011. 584 p. (In Russian)

* On New Master's Program "Socio-Cultural Anthropology of the Peoples of Asia and Africa" at the Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University. On the Prospects of Using the Anthropological Approach in the Implementation of the Russian-Armenian International Project. This work was supported by CS PA (program 20RF-189) and the Russian Foundation for Basic Research (RF) (program 20-59-05006) in the framework of the joint scientific.

3. Bocharov V.V. *Unwritten law. Anthropology of law*. St. Petersburg, AIK Publ., 2013. 328 p. (In Russian)
4. White J. *Muslim Nationalism and the New Turks*. Princeton, Princeton University Press, 2014. 288 p.
5. Girenko N.M. Interaction between culture and society. *Sotsiologičeskoi teorii i osnovnye komponenty sotsial'noi dinamiki*. St. Petersburg, Carrilon Publ., 2004, pp. 472–495. (In Russian)
6. Bocharov V.V. Anthropological science and the society. *Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2000, no. 3, pp. 121–133. (In Russian)
7. Bocharov V.V. Colonialism: social and cultural processes. *Antropologičeskii voprosy. Khrestomatiia po političeskoi antropologii*. Vol. 2. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007, pp. 64–88. (In Russian)
8. *Conceptions on modern Oriental Studies*. St. Petersburg, KARO Publ., 2013. 464 p. (In Russian)
9. *Politicheskie sistemy i politicheskie kultury Vostoka*. Ed. by A. D. Voskresensky. Moscow, AST. East-West Publ. 2006. 829 p. (In Russian)
10. Al Dzheref, Bocharov V.V. Traditionalism in the West (Arab immigrants in France). *Neotradicionalizm: arhaičeskii sindrom i konstruirovanie novoy sotsialnosti v kontekste protsessov globalizatsii*. Ed. by V. V. Bocharov, V. A. Popov. St. Petersburg, IVR RAN Publ., 2019, pp. 294–304. (In Russian)
11. Nureev R. M. Comparison of economic systems in time: formational approaches of analysis. *Ekonomičeskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, vol. 8, no. 1, pp. 130–141. (In Russian)
12. *Neotradicionalizm: arhaičeskii sindrom i konstruirovanie novoy sotsialnosti v kontekste protsessov globalizatsii*. V. V. Bocharov, V. A. Popov. St. Petersburg, IOM RAS Publ., 2019. 320 p. (In Russian)
13. Berdyayev N. *The Fate of Russia (An experiment on war's psychology and nationalism)*. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 240 p. (In Russian)
14. Wallerstein I. *The Capitalist World-Economy: Essays*. New York and London, Cambridge University, 1979. 305 p.
15. Pye L., Pye M. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension*. Cambridge, Harvard University Press, 1985. 430 p.
16. Vasilyev L. S. *The History of the Orient*. Vol. 2. Moscow, Iurayt Publ., 2013. 788 p. (In Russian)
17. Vasilyev L. S. The Phenomenon of Power-Property. On the problem of typology of precapitalistic structures. *Tipy obščestvennykh otnošeniy na Vostoke v sredniye veka*. Ed. by A. B. Alaev. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 60–69. (In Russian)
18. Gofman A. B. Traditional or Rational? The interpretation of tradition in the works of M. Weber. *Sotsis*, 2008, no. 4, pp. 120–129. (In Russian)
19. Bocharov V.V. On the issue of the sources of “law nihilism” in the Orient (and in Russia). *ZhSSA*, 2009, no. 3, pp. 34–46. (In Russian)
20. Bocharov V.V. “The revolution” in the public political development of the Orient. *ZhSSA*, 2012, vol. 15, no. 6, pp. 213–221. (In Russian)
21. Soto H. de. *Another way. An invisible revolution in the Third world*. Moscow, Catallaxy Publ., 1995. 320 p. (In Russian)
22. Sumskiy V.V. *The fiesta of Philippines*. Vol. 1. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 527 p. (In Russian)
23. Harriss-White B. Government regulation and the informal economic order in South Asia. *Neformal'naiia ekonomika: Rossiia i mir*. Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 437–464. (In Russian)
24. White J. *Islamist Mobilization in Turkey. A Study in Vernacular Politics*. Seattle and London, University of Washington Press, 2002. 304 p.
25. Bocharov V.V. Social and age-related conflict and political cataclysms in Russian society. *Antropologičeskii voprosy. Khrestomatiia po političeskoi antropologii*. St. Petersburg, SPSU Publ., V. 2. 2007, pp. 448–465. (In Russian)
26. Bocharov V.V. Africa and Russia as subjects of the cultural development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2012, vol. 13, no. 3, pp. 3–14. (In Russian)
27. Yoodenough W.H. Cultural anthropology and linguistics. *Report of the Seventh Annual Round table Meeting on Linguistics and Language Study*. Ed. By Paul L. Garvin. Washington, Georgetown University Press 1957, no. 9, pp. 167–173.
28. Cole M. *Cultural-historical psychology: the science of future*. Moscow, Kogito-Center Publ.; Institut psihologii Publ., 1997. 432 p. (In Russian)

29. Burke P. Historical anthropology and the new cultural history. *NLO*, 2005, no. 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (accessed: 10.02.2021). (In Russian)
30. Freud S. Civilization and Its Discontents. Moscow, Folio Publ., 2013. 224 p. (In Russian)
31. Gurevich A. Ia. Historical science and historical anthropology. *Voprosy filosofii*, 1988, no. 1, pp. 56–70. (In Russian)
32. Bocharov V. V. Power and taboo: on the sources of cultural-psychological traditionalism. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, 2017, vol. 13, no. 4, pp. 109–117. (In Russian)
33. Geghamyan V. G. *Sociocultural dynamics in Turkey during the Presidency of İ. İnönü (1938–1950)*. Dissertatsiia na soiskaniie stepeni kandidata istoricheskikh nauk. St. Petersburg, 2017. Available at: <http://etd.asj-oa.am/5916/3.pdf> (accessed: 10.02.2021). (In Russian)

Received: April 7, 2021

Accepted: June 24, 2021

Authors' information:

Viktor V. Bocharov — Dr. Sci. in History; victana2007@rambler.ru

Varuzhan G. Geghamyan — PhD in History; vgeghamyan@ysu.am

Nikolai N. Dyakov — Dr. Sci. in History; nick-d@mail.ru